

4050605 4 2105

Новый Восток Журнал

Всероссийской Научной Ассоциа-
ции Востоковедения при Народо-
вом Комиссариате по делам
Национальностей

Под редакцией М. Павловича
(Вальмана), Г. У. Гройдо,
проф. И. П. Бороздина, С. У.
Духовского, В. А. Гурко-Кряжнина

Nouvel Orient

Revue de l'Association Russe
pour les Etudes Orientales
Rédacteur en chef
Michel Pavlovitch

Новый Восток Журнал

Хивинская революция 1920 года.

Затерянная среди моря барханных песков, простирающихся во все стороны на сотни верст, Хива была все же втянута в орбиту русского империализма; под его влиянием в значительной степени изменила свой феодальный быт и вместе с его крахом пришла к революции, в корне изменившей отношения социальных слоев хивинского народа.

Но если революционные события в центральной России были сравнительно просты, в смысле ясности классовых отношений борющихся сил; если противопоставление рабочих и крестьян, с одной стороны, буржуазии и помещикам, с другой, в основном исчерпывает социальный смысл развернувшихся фронтов гражданской войны, то революции на Востоке, вообще, и в Хиве, в частности, были настолько осложнены национальным моментом, и самые классовые отношения борющихся сил были настолько еще нечетки даже в субъективном сознании вождей движения и были настолько замаскированы уже устаревшими формами политического быта и идеологическими надстройками, уцелевшими от прошлого, что только величайшая внимательность к этим особенностям революций на Востоке может избавить нас от излишнего европеизирования, а значит, и от извращения самой их природы.

В хивинской, в частности, революции национальный вопрос играл столь исключительную роль, что на нем необходимо предварительно остановиться.

* * *

Хивинское земледельческое население составляют преимущественно узбеки, составляющие 60% всего населения страны. Они являются исключительно оседлыми, почти совершенно утратившими следы родового быта; память о нем живет преимущественно среди хивинской аристократии — потомков родовой знати, да в названиях ряда городов.

Среди узбеков уже совершенно ясно выделялась торговая буржуазия, главным образом, мелкая и средняя, начавшая в последнее десятилетие перед революцией вкладывать свои капиталы в промышленные, главным образом, хлопковые и отчасти кожевенные предприятия. Однако основная масса туземного капитала вкладывалась еще не в промышленность, а в ростовничество, пышным цветом распустившееся во всем Туркестане вместе с ростом посевов хлопка.

Последний, превратив натуральное дехканское хозяйство в хозяйство товарное по преимуществу, создал огромную нужду дехканских масс в денежных или натуральных ссудах. О степени потребности в них и одновременно о высокой доходности их для заимодателей можно судить по тому, что даются они часто из 150—200, а то, в случаях мелких ссуд, и выше % %.

Мелкие дехканские—в значительной степени уже товарные—хозяйства, находящиеся в различных формах кабальной зависимости от ростовщиков баев, являющихся фактическими владельцами и распорядителями большинства культурных земель; многочисленное мелкое и среднее торговое хозяйство купцов-посредников; нарождающаяся промышленная буржуазия, еще теснейшим образом связанная с ростовщицеством; совершенно несознательный ремесленный пролетариат, организованный в средневековые цехи; над всем этим аппарат государственного восточного феодализма ханской власти, выросшей в обстановке натурального хозяйства,—вот картина дореволюционной Хивы.

Российский империализм, включивший Хиву в орбиту своего хозяйства, предъявлявший ей свои требования хлопка, люцерны и т. п., открывший свой рынок для ее сырья и ввозивший в нее свои фабрикаты, помог быстро сформироваться местной буржуазии, начавшей складываться здесь еще в рамках феодального общества.

При всем стремлении поддержать ханскую власть, этот обломок феодального прошлого, российский царизм, агент российского капитала, был бессилен против революционизирующего влияния своего господина.

Противоречие между молодой, быстро растущей буржуазией и ханской властью—противоречие, заключающееся в полнейшем бесправии местного капитала перед ханом и его беками, в отсутствии не только каких-либо гарантий личной безопасности, но и—это самое главное—имущественной, в возможности для государственного феодализма в любой момент казнить любого своего подданного, а его имущество обратить в казну (сиречь в бекские и ханские карманы)—это противоречие должно было в конце концов разрешиться.

Потребность хивинского капитала во внутреннем рынке, в виду того, что его деятельность была рассчитана почти исключительно на внешний рынок (скупка хлопка, первоначальная его обработка и вывоз), была сравнительно ничтожна, и он не был заинтересован поэтому в укреплении дехканского хозяйства.

Даже наоборот. Являясь по преимуществу ростовщическим, этот капитал был непосредственно заинтересован в ослаблении, а не в укреплении дехканского хозяйства, тем более, что в случаях невозможности выплаты в срок взятой ссуды дехканин фактически терял землю, становился «чайрикером» (дольщиком-арендатором) на формально своей земле и делался объектом самой жестокой эксплуатации. Поэтому, с большим аппетитом поглядывая на ханскую и бекскую землю, хивинская буржуазия отнюдь не могла явиться заступницей интересов дехкан против ханской власти, собирающей с них невыносимо тяжелые налоги.

Ремесленники, объединенные в цехи, не играли в дореволюционной Хиве сколько-нибудь заметной роли; дехканство, разрозненное, как и везде, и средневеково-темное, к тому же в большинстве своем живущее не кишлаками (деревнями), а отдельными курганчами (хуторами), то-есть даже территориально разобщенное—было лишь потенциальной революционной силой, но ни на какое самостоятельное движение не было способно; духовенство, о могучем влиянии которого на еще средневековое по преимуществу общество долго говорить не приходится, в большинстве своем, понятно, поддерживало феодальное общество, идейным выражением которого оно являлось, и лишь в сравнительно небольшой своей части было буржуазно-прогрессивно (главным образом молодые муллы, учившиеся в Турции и бывшие под некоторым влиянием младотурок); хивинская буржуазия, таким образом, в своей борьбе против ханского абсолютизма была обречена на изолированность и не могла опереться ни на крестьян, ни на ремесленников, причем по отношению к первым из них ее интересы в значительной степени совпадали с интересами ханского деспотизма.

Революционные перспективы были в таких условиях крайне невелики и в самом туземном обществе, а если вспомнить, что на стороне ханского деспотизма был и могучий военно-полицейский аппарат российского царизма, то приходится признать, что соотношение сил в самой Хиве было для туземной буржуазии совершенно безнадежное.

Нужно, впрочем, отметить еще и то характерное явление, что сам феодальный аппарат обнаруживал, особенно на своих низах, в лице разных беков, тенденцию к обуржуазиванию (участие в торговле, рост ростовщичества), не отказываясь, конечно, и от прежних феодальных источников дохода. В ряде городов Хивы ханские беки были и наиболее крупными купцами, а иногда даже и промышленниками (особенно известна в Хиве фамилия Баккаловых-беков г. Н. Ургенча и крупнейших капиталистов Хивы).

Однако эта тенденция, наличие которой совершенно несомненно, не была еще столь велика, чтобы удовлетворить широкие круги буржуазии, тем более, что буржуазные элементы в роде Баккаловых, находившихся в ханском аппарате феодальной власти, скорее обнаруживали тенденцию к экономической конкуренции со своими соперниками, стремясь присоединить еще и меры внеэкономического принуждения, нежели отстаивали буржуазно-классовые интересы вообще.

Таким образом, этот процесс обуржуазивания верхушки хивинского феодального общества не смягчал вышеочерченного конфликта между туземной буржуазией и ханским абсолютизмом, а скорее порождал борьбу двух фракций хивинской буржуазии, обещая в перспективе сделать одну из них монополистом государственной власти.

Колониальное хозяйничанье российского капитала, бывшего в лице своих представителей в Хиве ближе к реакционной части туземной буржуазии, нежели к ее прогрессивной мелко-буржуазной части, превратило общественные классы феодального общества в классы, соответствующие товарному хозяйству.

Но новое вино было влито в старые меха, и российское самодержавие

делаю все, чтобы сохранить, хотя бы формально, общественный быт средневековья.

Колониальная эксплуатация должна была протекать в «привычных» туземцам общественных формах.

Российский царизм боялся быть революционным.

* * *

Оппозиция хивинского купечества ханскому абсолютизму начала организовываться в политическую партию только после 1905 г., под непосредственным влиянием сначала русской, а затем и турецкой революции.

Если русская революция 1905 года нанесла неизгладимый удар русскому царизму на Востоке, подняв в глазах всех угнетенных народов его, казалось, непоколебимую силу; если она революционизировала даже самые отсталые окраины, всюду пробудив надежды на возможность национального освобождения, то турецкая революция, как революция в передовой мусульманской стране, близкой туземному Туркестану и идеологически и по своему общественному быту, дала не менее сильный толчок к политическим организациям мусульманской буржуазии против султанов, эмиров, ханов и прочих представителей восточного абсолютизма.

До сих пор оппозиция находила свое выражение, главным образом, в движениях религиозных или культурных и лишь после 1905 года приобретает характер оппозиции политической.

Само собой понятно, что образование политических партий в условиях Востока проходило с гораздо большим трудом, нежели даже рождение оппозиционных партий в царской России, и что лишь наиболее сознательные представители революционных классов приняли участие в этом движении.

Поэтому оно не смогло ни в Бухаре, ни в Хиве стать действительно широким массовым движением и было сравнительно легко задавлено соединенными усилиями царских и ханских жандармов.

Русская революция 1917 года, свергнувшая царизм, нашла себе живейший отклик в далекой Хиве. Она вновь пробудила активность оппозиции, заставила ее искать поддержки в солдатах русских частей, находившихся в Хиве. Происходит ряд тайных собраний, на которых от имени всего хивинского народа выставляется требование отречения хана и созыва меджлиса (Учред. Собрания).

Русский царизм, разоруживший хана, — о чем будет речь ниже, — и поставивший его в полную зависимость от русских полицейских пытков, сам подготовил условия, при которых защита его хивинского собрата стала невозможной.

Асфендиар-хан вынужден был подписать манифест и даже собрать меджлис летом 1917 года.

Это не помешало ему однако искать защиты у генерала Куропаткина, оставшегося и при Временном правительстве фактическим диктатором Туркестана (рабочее движение организовалось в действительную силу только к концу

1917 года). Прибывший в Хиву казачий отряд без всякого затруднения разогнал меджлис, председатель его, несмотря на свое духовное звание, был жестоко избит палками, а большая часть активных деятелей младо-хивинского движения была арестована, часть казнена, а тот, кто успел, скрылся из Хивы. Казалось, победа была полная, ханская власть торжествовала; казалось, что Асфендиар хан опять может безнаказанно и на ужас всему дехканству рассылать так называемые «черные арбы», которые раз'езжали по ханству и свозили в Хиву на потеху хану красивейших девушек страны, которые возвращались обратно уже сифилитичками,—но все это происходило уже в период, когда началась октябрьская революция, когда запахло совсем новыми общественными движениями, и когда время царских отрядов стало отходить уже даже в Хиве.

Во всяком случае, меджлис, даже столь кратковременный (два-три месяца), если и не смог стать центром движения, однако показал забитому, обнищавшему, поголовно безграмотному и невежественному дехканству возможность каких-то иных, кроме абсолютистских, форм власти; он нанес самым фактом своего существования удар престижу тысячелетней незыблемости ханского деспотизма и стал той всенародной трибуной, которой, хотя и крайне ненадолго, смогли воспользоваться младохивинцы для провозглашения требований политической свободы, конфискации ханских и бекских земель, отмены бесплатных принудительных повинностей.

Первая хивинская революция, поставив младо-хивинцев в центр политической жизни страны и сделав их политическими эмигрантами, привлекла к ним внимание широких масс дехканства, а октябрьская революция в Туркестане, всколыхнувшая дехканство как его, так и ханств, сделала их политическим центром не только для торговой буржуазии, но и для всех недовольных ханским режимом.

Младохивинцы сделались выразителями обще-национальных интересов.

Политическая партия торговой буржуазии стала вождем дехканских масс в их ненависти против хана.

Повторилось то, что неизбежно бывает везде и всюду, где просыпается крестьянство.

Оно нашло политического вождя в лице партии другого класса.

Происходила консолидация противоханских сил, и популярность младохивинцев возросла колоссально.

Последующие события 1918 — 19 гг., разрушение ханского абсолютизма туркменами и обращение узбеков, вне зависимости от их классовых различий, в данников туркмен были однако совершенно не связаны с теми процессами, о которых говорилось выше, и создали в Хиве совершенно новое положение.

* * *

Выше мы разбирали исключительно процессы, происходившие в узбекском обществе, основном земледельческом и ремесленно-торговом народе хивинского ханства.

Но, как уже было сказано, узбеки составляют всего лишь 60 % всего населения Хивы.

Около 15 % составляют киргизы и кара-колпаки, живущие, главным образом, в низовьях Аму-Дарьи, около Аральского моря, далеко от культурных центров Хивы, и не играющие в ней сколько-нибудь значительной роли.

Остальные 25 % составляют туркмены, которые в большинстве еще только переживают процесс оседания.

Узбеко-туркменские отношения и являются уже целый ряд десятилетий без всякого преувеличения основным вопросом внутренней жизни Хивы.

Узбеки, давно осевшие и перешедшие к земледелию, как к основному виду хозяйства, получившие при завоевании Хивы старые культурные земли, заняли места наиболее удобные для орошения (по большей части уже орошенные много столетий тому назад), т.е. земли, прилегающие к Аму-Дарье в юго-восточной части ханства, и отдельные удобные участки по всему течению реки. Все большие арыки проходят через узбекские земли, и лишь концы их орошают места туркменских поселений, куда, как и всегда в низовья арыков, подается совершенно недостаточное количество воды.

Туркмены, в недавнем прошлом еще почти исключительно кочевники, беспрерывно ведущие войны с хивинскими ханами с переменным успехом, к земледелию начали переходить лишь несколько десятилетий тому назад вследствие недостатка мест для кочевков.

Это сокращение пастбищ происходило как под влиянием стихийных причин (надвигание летучих барханных песков, засыпавших колодцы, необходимые для водопоя), так и все усиливающимся давлением с северо-запада, с равнин Четыурта, киргизского рода «адаевцев», многочисленного и воинственного рода, расширяющего из года в год свои кочевья как в сторону Хивы, так и в сторону Закаспия.

Процесс оседания туркменами переживается чрезвычайно мучительно, так как свободных удобных земель почти не имеется. Вода, как уже было сказано, подается в концы арыков в недостаточном количестве, и ханское правительство в своих войнах с туркменами пользовалось этой зависимостью туркмен в воде от узбеков. Арыки закрывались, вода к туркменам не пропускалась, и это являлось, конечно, лучшим подкреплением ханскому оружию в его борьбе с тем или иным туркменским родом.

Но и в мирное время узбекские ханы запрещали туркменам расширять и улучшать свои арыки.

Уже один недостаток воды у туркмен и изобилие ее у узбеков создавал национальное неравенство между ними.

Это неравенство было, понятно, прежде всего неравенством экономическим. Туркменам не хватало земли для оседания. Земли, на которых они оседали, хуже орошались и давали меньшие урожаи.

Вполне понятно, что, оседая, туркмены оказывали беспрерывное давление на

земледельцев узбеков, вытесняли их и стремились сами осесть на их землях. Столкновения были родовым явлением.

Хивинские ханы, запрещая туркменам даже производить чистку своих арыков, (а в Хиве, вследствие огромных отложений ила из воды Аму-Дарьи чистка требует огромного труда)—заставляли узбеков производить эту чистку. С туркмен же ханы за это собирали особую подать, из которой, разумеется, работающим узбекам ничего не доставалось.

Туркмены полностью в вопросе о воде, — а вода источник всякой жизни в Средней Азии,—зависели от узбеков и платили им за это ненавистью. Узбеки подвергались постоянным набегам со стороны туркмен да еще должны были им же чистить арыки—и естественно, что они отвечали теми же «добрыми» чувствами.

Ко всему этому необходимо прибавить, что, переходя к земледелию, хотя бы даже как к подсобному виду хозяйства, туркмены переживают процесс распада родового быта, и хотя у них он в общем и целом еще достаточно устойчив, но верхушки родового общества уже чрезвычайно неприязненно относятся ко всему, что разрушает родовую общину.

Торговый узбекский капитал, если иметь особенно в виду почти постоянную нужду туркмен в хлебе,—является далеко не последним фактором в этом процессе распада родового быта, и само собой понятно, что вся неприязнь к нему переносится на узбеков вообще.

Царские генералы, являвшиеся после завоевания Хивы в 73 году достаточно авторитетными советниками хивинских ханов, отнюдь не стремились к урегулированию узбеко-туркменских отношений, для чего, понятно, в первую голову был необходим ряд ирригационных работ.

Как раз наоборот, следуя принципу «разделяй и властвуй», они поддерживали старые отношения, играя на существующей национальной вражде (делая пребывание русских частей в Хиве необходимым и для узбеков, и для хивинского хана,—этого символа экономической мощи узбеков),—и создавали тем самым неизбежную руссофильскую ориентацию в придворных кругах.

Так как хан лишен был сколько-нибудь значительной собственной хивинской армии,—то значение русских отрядов, исполнявших карательную роль полицейских отрядов против туркмен, становится совершенно понятным.

К ненависти туркмен против узбеков присоединялась еще более острая ненависть против русских.

Так как борьба с узбеками за воду была для туркмен экономической необходимостью, обуславливающей самое их существование, то и присутствие русских жандармов не смягчало, но, наоборот, обостряло эту борьбу.

Восстания чередовались с карательными экспедициями, карательные экспедиции—с восстаниями.

Вместе с национальной ненавистью в этой героической борьбе против жандармских штыков выковывалось и объединение, хотя бы только военное, туркменских родов.

Такое об'единение было жизненной необходимостью, и один из иомудских вождей, Джунейд-хан (Магомед-Курбан-Сардар-Джунейд-Хан), сумевший в 1916 г. организовать сопротивление туркмен против карательной экспедиции ген. Галкина, действительно сделался тем национальным героем, около которого могло произойти и на самом деле произошло об'единение туркменских родов.

* * *

В начале 1918 года до Хивы докатились сведения о демобилизации старой армии и об укреплении власти советов.

В отряде полковника Зайцева, разогнавшего межджиллис, появилась тяга домой. Отлично учитывая всю опасность положения, когда ему один на один придется остаться с революционными кругами хивинской буржуазии и, особенно, с туркменами, имевшими в лице Джунейд-хана национального вождя, Асфендиар-хан тщетно пытался удержать казаков.

Рядовые казаки требовали возвращения по домам, а перед контр-революционным офицерством вставали более для них важные цели борьбы с Советской властью, нежели охрана хивинского хана и узбеков.

В начале 1918 г. русские военные части оставили Хиву. Узбеки и туркмены, предоставленные самим себе, стали лицом друг против друга.

Десятилетиями накапливавшаяся вражда сделала столкновение неизбежным, а вся историческая обстановка заранее предопределила его исход.

Мирно-земледельческое узбекское население, разоруженное царизмом, и хан, не имевший армии, так как даже его телохранители разбежались при первой опасности, не могли оказать никакого сопротивления сравнительно хорошо вооруженным и привыкшим к военным действиям туркменам, руководимым Джунейд-ханом. Хива, столица ханства, была занята последним, Асфендиар-хан, как пособник русских и угнетатель туркмен, был убит, а ханом хивинским был провозглашен Сеид-Абдулла (дядя убитого Асфендиара),—безвольная пешка в руках Джунейда, фактического диктатора Хивы.

Туркмены стали господами Хивы, узбеки, если не формально, то фактически,—сделались их данниками. Началось самое примитивное и прямое их ограбление. Сопротивление, за исключением отдельных, совершенно изолированных случаев, нигде не оказывалось. Ограблялось и домашнее имущество, и скот, и продукты урожая. Распределение воды, источника жизни хивинского оазиса, попало в руки туркмен, пропускавших в Туркмению воды столько, сколько хотелось, даже без учета узбекских потребностей. Производительность сельского хозяйства, уже хотя бы по причине полной неуверенности дехкан в судьбе урожая, упала.

Но и площадь туркменских посевов, несмотря на наличие достаточного количества воды, увеличилась сравнительно немного (всякие статистические данные здесь, понятно, отсутствуют),—слишком большое количество туркмен работников превратилось в эти годы в паразитов на узбекском земледелии.

Повторилась история обычных азиатских завоеваний воинственными кочевниками мирных земледельцев.

Организационного размежевания интересов узбеков и туркмен произведено не было. Жесткая деспотия победителей туркмен в лице Джунейда сменила деспотизм хана.

Естественно, что узбеки отвечали туркменам ненавистью и ждали часа исти, но о массовом восстании пока не могло быть и речи, как по причинам технического характера (отсутствия оружия и руководства), так и по причинам общественной неорганизованности хивинского дехканства.

Но, если было невозможно восстание узбеков против туркмен, то уже совершенно неизбежным сделалось идейное объединение узбеков вокруг младо-хивинцев.

В самом деле, новый хан Сеид-Абдулла лишь послушно ставил свою печать под всеми распоряжениями Джунейда, формально санкционируя тем самым господство туркменских интересов, как интересов государственных.

Ханская власть, поскольку она воплощалась в лице Сеид-Абдуллы-хана, была явно анти-национальной властью, и ее дискредитация была полной и окончательной. Столь же дискредитирована была и хивинская аристократия, более широкая представительница государственного феодализма, которая в условиях октябрьской революции в Туркестане принуждена была лучше ориентироваться на Джунейда, чем на Советскую власть.

Тази-марам, бывший формально ханским военным министром (Есаул-баши), был фактически советником Джунейда по узбекским вопросам и пользовался дружной ненавистью хивинцев.

Баккаловы, о которых уже говорилось, связанные с административным феодальным аппаратом, также из боязни Советской власти делали хорошую физиономию в плохой игре с туркменами.

Таким образом, вся верхушка узбекского общества была выключена из того национального движения, которое неизбежно должно было возникнуть в узбекской массе.

Между тем полнейшее—в десять раз худшее, нежели при ханском деспотизме,—бесправие личное и имущественное естественно заставляло массы хивинских купцов симпатизировать младо-хивинскому движению, как раз и стремившемуся к созданию «правового порядка» и буржуазной свободы.

В этом величайшее значение захвата власти Джунейдом: он разбил феодальный аппарат ханского деспотизма, остатки его сделал ярко антинациональными (с точки зрения узбеков) и тем самым позволил младо-хивинцам обрядиться в наиболее выгодный революционно-национальный наряд, объединив вокруг своих туманных и расплывчатых лозунгов широкие массы мелкой и средней торговой буржуазии и разоренное, угнетенное дехканство.

Джунейд, меньше всего того желая, создал все условия для идейно-политической гегемонии младо-хивинцев, с которыми при новых обстоятельствах объединялась и значительная часть духовенства.

Совершенно иные процессы происходили во время диктаторства Джунейда среди туркмен.

Еще далеко не изжитый родовой быт не давал прочной основы для общенационального объединения. Оно могло создаться под влиянием внешних ударов, когда самому существованию туркменского народа грозила опасность уничтожения или вымирания. Именно в таких условиях и создалось междуродовое объединение вокруг Джунейда, как общепризнанного военного вождя в борьбе туркмен против узбеков и русских. Но оно было не более, чем временным военным союзом отдельных родов, и, если во время его существования, по всем сведениям, даже институт кровной мести пришел в упадок, то это опять таки объясняется военной необходимостью. По существу своему диктатура Джунейда среди туркмен была только диктатура вождя в военное время, а достаточно известно, что даже и наиболее любимый и популярный вождь при родовом быте во всем, что касается мирной жизни, играет в лучшем случае равную роль с советом старейшин рода.

Такова же была и роль Джунейда. В глазах остальных родовых вождей он был не более, как первый между равными, как добровольно и свободно признанный глава родовой федерации, но причины, побудившие к этой федерации, отпали вместе с уходом русских из Хивы и захватом туркменами государственной власти. Отпала та внешняя опасность, которая недавно цементировала туркменские роды в единое целое.

Появились родовые и племенные разногласия при дележке имущества, возникли разногласия вождей и родоначальников в вопросе о власти, начало воскресать право кровной родовой мести, начались и вооруженные столкновения.

В то же время Джунейд-хан не мог отделить себя, как диктатора над узбеками Хивы, от себя же, как «первого между равными» в туркменской среде.

Аппарат государственной власти имеет свою логику, и, подчинив его себе, Джунейд-хан очень скоро, в свою очередь, оказался подчиненным его логике и сделал попытку освободиться от уз и обязанностей родового быта.

Попытки его в разногласиях с вождями других туркменских родов (ак-салах, огуз-салах, чоудары, машарык, имрайли, ушак и т. п.) опереться на вооруженную силу только подлили масла в огонь.

Одна родовая группа за другой выходила из под его подчинения, и чем более решительные принимал он меры, тем больше росла оппозиция. Механически придавить эти разногласия можно было, лишь опираясь на подавляющую вооруженную силу, но такой силы в руках Джунейда не было, и уже с середины 1919 года лишь родовая разобщенность туркмен позволяла ему удерживать в своих руках власть.

Его сила заключалась в том же, в чем была и его слабость.

Таким образом, к концу 1919 года диктатура Джунейд-хана явно клонилась к упадку.

Ненависть к нему со стороны узбеков была всеобщей, отдельные авантюристы, в роде Тази-Марама, были единичными исключениями; среди самих турк-

мен анти-джунейдовская оппозиция начала организовываться вокруг Кош-Мамед-хана и Гулям-Али, он опирался лишь на часть иомудских родов.

Коалиция обеих оппозиций узбекской и туркменской была бы для Джунейда концом, и как ни кажется она невероятной, но ее все же удалось создать.

Платформой для нее послужила расплывчатая «программа» младо-хивинцев с ее требованием свержения ханской власти, — политической свободы, дававшей туркменам фактическую автономию, обещанием урегулирования узбеко-туркменского вопроса путем справедливой дележки воды, организацией выборной власти и т. п., и т. п.

Ни одного ярко выраженного классового требования, но зато сравнительно, в условиях ханской деспотии, радикальная политическая программа и обещания справедливости.

Но, если принятая программа не отличалась определенностью, зато совершенно определенно было видно, что за этой программой стоят не только торговые круги, но и широкие дехканские массы обеих национальностей, что движение несомненно пойдет дальше, нежели бы того хотели сами его организаторы, и по своему социальному размаху далеко перельется за сладенькие требования политической свободы и мечты о всеобщей справедливости.

Вот почему начавшееся движение было поддержано Советской властью Туркестана.

* * *

В то время, в ноябре 1919 года, младо-хивинцы и представители Кош-Мамед-хана и Гулям-Али обратились за организационной и военно-технической помощью к Советской власти. Джунейд-хан, видя, как расплывается всякая основа его власти, и как недовольство его диктатурой становится не только всеобщим, но и активно организуется, заключил союз с белогвардейцами понизовьев Аму-Дарьи, где в это время происходило антисоветское восстание уральских казаков и кара-копачков. Союз этот был логическим следствием всей сложившейся обстановки и диктовался Джунейду уже тем, что его враги в самой Хиве искали помощи у Советской власти.

Предупреждая события, Джунейд-хан в декабре 1919 года перешел Аму-Дарью и напал на части Красной армии.

Весьма небольшая численность красных частей на этом глухом и отдаленном от всех центров участке, к тому же почти всецело занятых борьбой с белыми, давала Джунейд-хану надежду на успех, а в случае военного успеха не исключена была возможность вторичного объединения вокруг него туркменских родов уже с целью прямого ограбления Аму-Дарьинского отдела, т. е. для повторения уже проделанного им в 1918 году набега, когда почти двухсотверстная береговая полоса была предана мечу и огню, жители разорены и частью вырезаны, сотни женщин уведены в рабство.

Однако, вместо успеха, Джунейда на правом берегу ждало поражение, а когда для развития успеха части Красной армии вместе с сформированной в Петро-

александровские партийной добровольческой дружиной младо-хивинцев переправились 25-го декабря 1919 года на хивинский берег, то радостная встреча их в Н. Ургенче городским и кишлачным населением показала, что диктатуре Джунейда пришел конец. В то же время в районе Куля-Ургенча, Ходжейли, Тамауза началось восстание туркмен во главе с Кош-Мамед-ханом, которое разрасталось с неожиданной даже быстротой. После нескольких мелких столкновений соотношение сил столь явно было не в пользу Джунейда, формирование добровольческих повстанческих отрядов, как среди узбеков, так и среди туркмен (впрочем, последние действовали преимущественно родовыми группами) шло столь быстро, что, даже не рискуя принять решительного сражения, Джунейд-хан вместе с сотней других своих сторонников в январе 1920 года бежал в пустыню Кара-Кум.

Таким образом, в результате совместных действий туркмен, узбеков и частей Красной армии, служивших, главным образом, тем кадровым цементом, который связывал организующиеся туземные отряды (всего русских красноармейцев перешло через Аму-Дарью около 800 человек), менее чем в месяц Хива была освобождена от тирании Джунейда.

Его попытка вернуться обратно в Хиву в конце февраля, окончилась столь же, если даже не более неудачно. Ни среди туркмен, ни среди киргиз,—об узбеках нечего говорить,—он уже не мог найти себе никакой опоры.

* * *

Столь же легко произошла и ликвидация в Хиве ханской власти.

Широкое массовое движение без различия национальностей против Джунейда не могло дать почвы ни для каких кривотолков о действительных целях пребывания частей Красной армии в пределах Хивы.

Занятая политическими руководителями Красных частей позиция безусловного невмешательства в собственно-хивинские дела, неоднократно делавшиеся ими заявления о полном нейтралитете по отношению к хивинскому хану, о том, что только сам хивинский народ вправе решать, какое ему нужно правительство,—одним словом, четкий недвусмысленный отказ от внесения свободы на остриях птыков сделали то, что Джунейд-хан в период операций против него оказался совершенно изолированным.

Не только узбекское дехканство и купечество, но и та ханская аристократия, которая, как указывалось, пыталась приспособиться к джунейдовской тирании, и безусловно подавляющая часть духовенства, даже высшего и в достаточной степени реакционного, отошли от Джунейда. В то же время и младо-хивинский комитет придерживался выжидательной тактики и отнюдь не пытался сразу же свергать ханских беков, выступая прежде всего, как поборник освобождения от личной тирании Джунейда, и приобретая тем самым значение единственного национально-узбекского центра.

В то же время союз с достаточно популярными туркменскими вождями—Кош-Мамед-ханом и Гулям-Али—позволял младо-хивинскому комитету в глазах

туркмен быть организацией не чисто узбекско-национальной, но представляющей и общие узбекско-туркменские интересы.

Так как еще в период ожесточенной борьбы с Джунейдом, в середине января 20-го года, состоялось соглашение, по которому во Врем. Рев. Правительство после свержения хана должны были войти и представители младо-хивинского комитета и общетуркменских вождей, то споров между союзниками о власти не возникало.

Союз их явился тем центром, около которого и состоялось действительное объединение узбеков и туркмен в их общей ненависти против хана вообще—бывшего для одних символом национального угнетения, а для других средневекового рабства,—и против Джунейда, как личного деспота.

Характерно—и это необходимо подчеркнуть,—что во все время движения ханская власть отождествлялась именно с Джунейдом, а не с Сеид-Абдуллой, и борьба против первого была фактически и борьбой против второго, хотя формально движение было направлено исключительно против тирании Джунейда.

Выше мы уже отмечали, что захват им власти разрушил хивинскую феодальную монархию. Во время восстания это обнаруживалось со всей наглядностью: жалкая пешка в руках Джунейда, Сеид-Абдулла хан, беспрерывно трепетававший за свою жизнь, уже никого не мог обмануть.

Ханская власть служила лишь ширмой для Джунейда. Сеид-Абдулла был живым мертвецом. Убив Асфендиар-хана, Джунейд убил и ханскую власть.

Поэтому, как только был изгнан из Хивы Джунейд, ханская власть оказалась совершенным призраком, который развалился даже прежде, чем на него повеяло дыханием революционной бури.

Как сам хан, так и весь аппарат его власти были в распоряжении Джунейда. Борясь с восстанием, Джунейд бросил против него и несколько сот ханских нукеров. И поэтому, когда он был разбит и бежал, то хан хивинский, опасаясь за свою участь—формально, через своих нукеров, он принял участие в военных действиях вместе с Джунейдом,—послал в центр восстания, Новый Ургенч, мирную делегацию, объясняя выступление нукеров принуждением со стороны Джунейда, заявляя о своей солидарности с движением и приглашая русскую Красную армию в свою столицу (город Хива не был занят).

Хотя бы и за красноармейскими, но все же за русскими штыками, хан думал спастись от той пустоты, которая вокруг него образовалась.

Формально позиция полного невмешательства в хивинские дела со стороны борющихся с Джунейдом красных частей давала ему право на такую надежду, но по существу защита ханской власти менее всего входила в намерения Красной армии, и на этот раз она отказалась от посылки в Хиву хотя бы одного красноармейца.

Ханская власть была предоставлена самой себе. Она не проявила никаких признаков жизни. Между тем младо-хивинский комитет становился все более общепризнанным национальным центром.

В конце января вторичным письмом хана, уже подкрепленным ходатайством всего хивинского населения, когда на незанятый г. Хиву Джунейд стал делать разбойничьи набеги,—революционные отряды были опять приглашены.

На этот раз она была занята младо-хивинской дружиной (узбекской), несколькими сотнями туркмен и двумя ротами Красной армии.

Вместе с отрядами переселился в Хиву и младо-хивинский комитет,—еще так недавно нелегальная и гонимая, а теперь общепризнанная организация, явно идущая к политической власти.

Целую неделю длилось это странное положение, когда, видимо, мирно уживались бессильная ханская власть и достаточно сильный революционный анти-ханский центр. Но в то время, когда каждый день приносил младо-хивинскому комитету новые и новые силы, ханская власть теряла последние остатки своего былого престижа.

Наконец, соотношение сил стало таково, что, даже не встретив никакого сопротивления со стороны ханских нукеров, революционный центр мог арестовать и расстрелять Есаул-Баши-Марама (военного министра) и арестовать братьев Баккаловых, из которых старший был ханским «мехтаром» (главным министром),—т.-е. проявить себя действительной властью.

Сеид-Абдулле-хану ничего не оставалось, как исполнить все требования младо-хивинцев:—отречься от власти, объявить о созыве меджлиса (Учр собр.) и передать впредь до его созыва всю власть временному революционному правительству. Срок созыва меджлиса и порядок выборов в него поручалось установить новому правительству.

В его состав входили: от узбеков—председатель младо-хивинского комитета, бывший председателем правительства, представитель от духовенства, назначенный ханом по рекомендации младо-хивинцев, выборный представитель от г. Хивы и от туркмен-Рош-Мамед-хан и Гулям-Али.

Манифест был подписан ханом и высшим духовенством 1-го февраля 1920 года, а 2-го февраля он был объявлен, и на Регистане (площади перед дворцом) были произведены открытые выборы хивинского представителя в правительство.

На выборах прошел купец «средней руки», и это было лучшим свидетельством социального характера произошедшего переворота, хотя формально он был произведен под гораздо более левым лозунгом.

* * *

Было бы ошибкой думать, что младо-хивинская программа росла и углублялась вместе с ростом и углублением движения против Джунейда и ханского абсолютизма.

Мечтания о политической свободе, речи о достаточно туманной общественной справедливости, о равенстве и даже о системе советов, которые мыслились приблизительно в роде наших земств и городских дум, отлично уживались вместе с признанием принципа частной собственности как на землю, так и на крупнейшие для Хивы промышленные предприятия.

Будучи движением мелкой и средней, городской по преимуществу, торговой буржуазии, младо-хивинское движение осталось таковым до конца, и, если смогло повести за собой широкие массы дехканства, то, во всяком случае, перерождение узбекского абсолютизма в туркменскую тиранию Джунейда было далеко не мало-важной причиной столь быстрого увеличения влияния младо-хивинского комитета.

Наконец, необходимо отметить и то, что и по самой своей организации младо-хивинцы были скорее тесно спаянным кружком революционеров-эмигрантов наверху и им сочувствующих и подчиняющихся низов, нежели широкой массовой партией.

Даже в моменты наивысшего подъема, когда Джунейд уже был изгнан, и, таким образом, острота военных битв прошла, даже и тогда младо-хивинское движение не сумело подняться до того самого элементарного демократизма в своих рядах, который безусловно необходим для роста партии. Даже и тогда, когда массы мелкой торговой буржуазии и пролетариев-ремесленников и, наконец, дехканство шли под их знаменем, они не смогли стать выше замкнутого кружка «избранных», не умели отказаться от методов заговорщиков; порою казалось, что они даже и не знали, что делать с так легко доставшейся им властью.

Во всяком случае, первое Временное Революционное Правительство, главой которого был председатель младо-хивинского комитета Султан-Муратов, было бездейственным, половинчатым и нерешительным, хотя и весьма в то же время революционным на словах. Даже борьба с прислужниками свергнутого хана часто была более похожа на продолжение той конкуренции двух фракций хивинской буржуазии, о которой речь уже шла выше, нежели на сознательную ликвидацию остатков феодализма.

Даже административная реформа управления самыми бекствами проходила крайне вяло, и, не имея подходящих людей, правительство долго и безнадежно колебалось между принципами выборности и назначения, занималось дискуссиями и предположениями тогда, когда прежде всего нужно было решительное революционное действие, а порою посылало беками на места бывших царских прислужников.

Столь же вяло шли дела правительства и во всех остальных областях.

И все же, в том факте, что младо-хивинцы могли достаточно упорно и настойчиво бороться с ханской деспотией; что они могли затем стать во главе широкого национального движения; что затем они оказались совершенно неспособными справиться даже в исключительно благоприятных условиях с доставшейся им властью, нет ничего удивительного. Власть именно **досталась** им в руки. Они были вынесены к ней на гребне широкого массового движения только потому, что забытое и неорганизованное дехканство не имело других вождей и не имело никакого опыта политической борьбы.

Они боролись против хана, ибо деспотия последнего ставила для развития торговли и промышленности чрезвычайно тесные рамки и постоянно угрожала святой-святых буржуазии—ее имуществу.

Они боролись против Джунейда,—ибо его политика в отношении буржуазии была по существу продолжением политики ханского абсолютизма, хотя и в интересах совершенно другой общественной и национальной группы.

Младо-хивинцы боролись с ханом без достаточной поддержки дехканства, да и сама борьба их с ханом была в значительной степени борьбой за право монопольной эксплуатации дехканства.

Младо-хивинцы стали во главе дехканства, сделались его признанным национальным вождем в момент национального порабощения узбеков туркменами.

Но, получив власть, они не смогли преодолеть этого внутреннего противоречия.

Они были представителями слишком молодой и слабой, почти исключительно торговой, буржуазии, чтобы преодолеть и подчинить своим классовым интересам дехканские массы.

И они были слишком замкнутым кружком, чтобы в своей партийной среде выносить партию хотя бы среднего дехканства и отразить то его пробуждение, которое началось вместе с борьбой против Джунейда. И поэтому, когда возникшая весной 1920 года Компартия Хивы повела за собой массы городских ремесленников и широкие слои полупролетаризованного крестьянства; когда именно их интересы поставила в порядок дня, то младо-хивинская организация рассыпалась, как карточный домик, и умерла так же незаметно и бесславно, почти без всякой борьбы, как и ханская власть.

Хивинская революция, проведенная дехканскими массами узбеков и туркмен против ханского средневекового абсолютизма и под организующим влиянием молодой и в классовом отношении недостаточно сознательной буржуазии, быстро перекатывалась за рамки «чисто политической» (читай «буржуазной») революции и принимала характер аграрной революции, которая была столько же направлена против байского ростовщика (одной из главных фракций хивинской буржуазии), сколько и против ханского и бекского землевладения.

Этот процесс уже выходит из рамок настоящей статьи. Здесь же необходимо отметить то, что хивинская революция является весьма типичной для стран Среднего Востока.

Буржуазия, почти исключительно торговая, уже переросшая рамки феодального общества и вступающая в борьбу со средневековым абсолютизмом, но буржуазия, выросшая преимущественно на основе эксплуатации крестьянских масс, оказывается классом, который не в состоянии удержать в своих руках власть.

Возможно, что союз ее с ханским деспотизмом, союз, в котором обе стороны идут на взаимные уступки ради возможности спокойно эксплуатировать дехканство (Афганистан) может значительно задержать наступление аграрной революции.

Но всякая ее попытка создать буржуазно-правовой строй обречена на неуспех, и история поставила ее перед дилеммой: или остаться рабом феодального деспотизма или сбросить ярмо тирании, но с тем, чтобы погибнуть вместе с ним

под ударами революционного дехканства, идущего за совершившим свою революцию пролетариатом.

«Чем дальше на Восток, тем трусливее становится буржуазия». Это определяется состоянием производительных сил восточного общества, в котором торговая и ростовщическая буржуазия является еще не производительным и не организующим, а паразитирующим классом.

Или социальная революция под гегемонией пролетариата или бессильное путание в оковах феодального прошлого—такова альтернатива, стоящая перед восточным обществом при данном состоянии его производительных сил.

Г. СКАЛОВ.

